

ВЕСТНИК

ИСТОРИИ
МИРОВОЙ
КУЛЬТУРЫ

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

1959

6

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК
ИСТОРИИ
МИРОВОЙ
КУЛЬТУРЫ

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

1959

6(18)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ АВСТРАЛИЙСКИХ АБОРИГЕНОВ

В. Р. Кабо

Изучение аборигенов Австралии имеет большое значение не только для этнографии, но и для решения важнейших исторических проблем, группирующихся вокруг одного вопроса, всегда волновавшего человеческие умы, — вопроса о происхождении и ранних этапах развития человеческого общества и человеческой культуры. Еще Гёте говорил: «Видеть, как возникает какое-либо явление, — это лучший способ понять его». Аборигены Австралии, как известно, находились и в известной мере до сих пор еще находятся на стадии первобытно-общинного строя. Их экономика, общественная организация, мировоззрение — все это является бесценным материалом для выяснения основных процессов становления и развития первобытного общества. Этому способствует то, что среди народов, находящихся или до недавнего времени находившихся еще на стадии ранней общественной формации, коренные австралийцы занимают особое место. Они относительно многочисленны, населяют обширную территорию и на протяжении нескольких тысячелетий (от заселения ими австралийского континента до соприкосновения с европейцами) жили в условиях относительной изоляции. Поэтому изучение наиболее архаичных общественных форм на этнографическом материале удобнее всего именно в Австралии.

Несмотря на то, что аборигенам Австралии посвящена огромная и все возрастающая в количественном отношении литература, сами исследователи вынуждены признать, что в наших знаниях остается еще много пробелов, причем заполнить эти пробелы становится все труднее, так как численность аборигенов неуклонно сокращается, а сама культура их быстро меняется под влиянием новых условий. Если к началу колонизации в Австралии насчитывалось до 300 тысяч человек коренного населения, то теперь чистокровных аборигенов насчитывается лишь около 50 тысяч. Таким образом, коренное население Австралии с конца 18 в. сократилось в шесть раз. Оставшееся население отгеснено в неблагоприятные для жизни области и продолжает вымирать. Еще в 1928 г. С. А. Токарев отмечал, что изучение материальной культуры австралийцев едва лишь началось и что их хозяйство изучено тоже еще недостаточно¹. С той поры положение мало изменилось. Правда, появились работы, где исследуются отдельные объекты мате-

¹ Токарев С. А., Современное австраловедение. Библиогр. очерк, «Этнография», М.—Л., 1928, № 1, стр. 97.

риальной культуры австралийцев и их распространение на континенте, появились и немногочисленные работы, дающие новые и интересные сведения о хозяйстве аборигенов, формах и путях обмена и т. д., но всего этого еще далеко недостаточно для того, чтобы представить экономику аборигенов в целом, тема еще далеко не исчерпана, разработка ее все еще находится в своем начале.

Общественный труд, который создал человека, играет основополагающую роль не только в процессе антропогенеза, но и на протяжении всей истории человеческого общества. Отсюда становится понятной и роль орудий труда в развитии культуры. Данная форма производственной деятельности, т. е. труд в его конкретной форме, определяется данной формой орудий. Уровень развития орудий производства служит мериллом власти общества над природой, мериллом развития производства. Орудия труда определяют организацию труда, а через труд влияют и на общественную структуру.

Для того чтобы понять особенности человеческой культуры, необходимо выяснить условия их происхождения, основные элементы, из которых культура возникла и развилась. Непосредственными источниками здесь являются материальные следы деятельности первобытного человека, прежде всего некоторые уцелевшие орудия труда и другие предметы материальной культуры, в том числе образцы изобразительного искусства и, наконец, погребения первобытного человека. Но всего этого археологического материала все недостаточно для понимания экономики, социальной организации первобытного общества и духовной жизни его членов. На помощь приходит этнография, хотя культура современных нам отсталых народов не может рассматриваться как абсолютно идентичная культуре людей, живших в эпохи палеолита или неолита. Современные нам общества, которые можно назвать «культурно-отсталыми», «примитивными» или «бесписьменными» (ни один из этих терминов не адекватен и не определяет социально-экономическую структуру), живут в условиях первобытно-общинного строя, первой в истории человечества социально-экономической формации. Однако, когда мы сравниваем эти общества с первобытными народами, изучаемыми археологией, мы должны иметь в виду, что между теми и другими лежат многие тысячелетия исторического развития. Только изучение исторического процесса может объяснить нам причины «примитивности» или «отсталости» того или иного современного нам общества, в том числе и австралийцев. Ясно, что как бы ни происходил этот процесс, и в общественных отношениях, и во многих других аспектах культуры произошли значительные изменения. Изменения эти были вызваны и взаимовлиянием культур, и приспособлением к окружающей среде, и усложнением и специализацией некоторых форм культуры. Австралийские аборигены, например, развили такие сложные и специализированные формы своей общественной и религиозной жизни, что, говоря об их обществе, как о примитивном или отсталом, мы постоянно должны иметь в виду условность нашей терминологии. Исследователь постоянно должен учитывать различия, которые наблюдаются между обществами с одинаковым экономическим базисом, но отделенными друг от друга огромными расстояниями во времени и пространстве. Об этом напоминал и Маркс: «... один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»².

² Маркс К., Капитал, т. III, М., 1955, стр. 804.

И все же, когда мы сравниваем материальную культуру первобытных и современных отсталых обществ, мы находим здесь очень много сходного. Следовательно, перед нами приблизительно одинаковые уровни материального производства. Это очень важно, так как одинаковые в основных чертах уровни производства должны быть в свою очередь связаны с аналогичными — тоже в основных чертах — производственными отношениями. Австралийцам, в силу особых исторических и географических условий, удалось сохранить многое от первобытных времен, главным образом в области материальной культуры. Изучая их материальную культуру и прежде всего орудия труда и сравнивая их с орудиями первобытного человека, мы можем детально представить уровень материального производства в первобытном обществе.

В то же время орудия труда австралийцев — источник для изучения истории и культуры самих австралийцев, и не только их материальной культуры, но и общественных отношений и духовной культуры. Вещи выступают не только как носители тех или иных материальных свойств. За вещами скрываются определенные общественные связи и отношения, в которые эти вещи вовлечены. Поэтому для исследователя важно выяснить ту роль, которую играют предметы материальной культуры в общественной жизни. Одни из примеров того, как предметы вовлекаются в общественную динамику, — австралийская копьёметалка, универсальное орудие мужчинно-охотника. Копьёметалка используется не только для метания копья или отражения брошенного копья, в нее, кроме того, вмонтировано каменное тесло, с ее помощью добывают огонь, во время обрядов в нее собирают кровь, используют как ударный музыкальный инструмент, причем все это отнесется к сфере только мужской деятельности. Но нельзя и говорить о роли предметов в отношениях между людьми, не изучив материальных свойств самих предметов, технологии и способов их изготовления, их функций.

Аборигены Австралии жили и продолжают жить охотой и собирательством. На этом основании некоторые исследователи утверждают, что хозяйство австралийцев чисто «присваивающее»³. Но ведь мы говорим о человеке, следовательно, о производящем существе. Прежде всего, и это главное, человек производит орудия труда, при помощи которых он добывает основные средства существования. В сферу производства входит и обработка пищи. Несмотря на то, что австралийский континент на севере испытывал постоянное влияние аграрных культур Индонезии и Новой Гвинеи, ни земледелие, ни гончарство, ни многие другие явления, свойственные этим культурам, сюда не проникли. Материальная культура австралийцев относительно однообразна и бедна. Камень, дерево, кость, раковины, смола — вот основные материалы для изготовления орудий и оружия. Но замечательной особенностью австралийцев, приводящей иногда в недоумение, является то, что несмотря на скудость их материальной культуры, общественная и церемониальная жизнь, духовная культура и мифология многих племен обнаруживают поразительную сложность и разнообразие.

Предположим на минуту, что австралийцы с их культурой полностью исчезли за несколько столетий до начала колонизации. Что бы от них осталось? Только каменный и костяной инвентарь, главным образом палеолитического и мезолитического характера, кучи раковин на берегу океана и многочисленные петроглифы и рисунки на скалах и на стенах пещер. Все деревянные изделия, которые преобладают в материальной культуре австралийцев, вероятно, исчезли бы, как и многое другое. Часто на основании бедности и примитивности обнаруженных культурных остатков делают заключение о неразвитости и убожестве общественной жизни и духовной культуры. Пример австралийцев показывает, как здесь надо быть осторожным. От-

³ См., например, Народы Австралии и Океании, М., 1956, стр. 100.

сюда, однако, не следует, как это предполагают представители культурно-исторической школы в этнографии (В. Шмидт, В. Копперс, И. Гекель)⁴, что на неразвитой, примитивной материально-технической базе могут расцвести относительно высокие общественные и идеологические формы, не свойственные, казалось бы, данному уровню экономического развития. Каким бы значительным ни казался разрыв между различными аспектами культуры австралийцев, все-таки мы имеем дело ни с чем иным, как с первобытно-общинной социально-экономической формацией, в которой общественные и идеологические формы, несмотря на их далеко зашедшее усложнение и специализацию, по-видимому, соответствуют уровню экономического развития. Одна из теоретических проблем австралийской этнографии и заключается в выяснении соответствия между теми или иными формами социальной жизни и духовной культуры и уровнем экономического развития на стадии первобытно-общинного строя.

⁴ Другой важной проблемой является вопрос о месте, которое занимают австралийцы в общем стадильном развитии человеческого общества и его культуры. При решении этой проблемы нужно исходить из правильных методологических предположений. Социально-экономические эпохи различаются прежде всего по орудиям производства. А основную группу орудий труда австралийцев составляют каменные орудия — топоры, резцы, долота, ножи, острокопечники и т. д. С помощью этих орудий производятся и многочисленные орудия и иные изделия из дерева. Многие исследователи, судя по наивысшему уровню, достигнутому австралийцами в технике изготовления и обработки каменных орудий, относят культуру австралийцев к стадии неолита. Эта же точка зрения обосновывается и в упомянутой выше книге «Народы Австралии и Океании», где сказано, что «определяющими являются орудия наиболее развитой техники»⁵. Эта, в целом безусловно верная, точка зрения не учитывает, однако, локальных различий, существующих между отдельными племенами и группами племен австралийских аборигенов. Между тем совершенно необходимо определить направления и границы распространения орудий неолитической и мезолитической техники, учесть ограниченность форм и технических возможностей, выяснить пределы взаимодействия от ушедших вперед, более развитых «неолитических» народов Новой Гвинее, островов Торресева пролива, Индонезии. Неолитическими в Австралии собственно являются только топоры, отшлифованные чаще всего лишь по рабочему краю и совершенно отсутствующие в южной и юго-западной Австралии. На западе недавно еще был известен лишь топор, употребляемый без топорища. Даже тонко обработанные наконечники копий солиотрейского типа с ретушью выделяются только в Кимберли (северо-зап. Австралия). В некоторых районах южной и юго-восточной Австралии были обнаружены многочисленные микролиты мезолитического характера.

В австраловедении последние годы ознаменовались внимательным изучением географического размещения типов орудий и других объектов материальной культуры (можно назвать, например, работы Д. С. Дэвидсона) и особенно массовым вовлечением в научный оборот археологического материала (работы Ф. Д. Маккарти, Н. Б. Тиндаля, С. Р. Митчелла и других австралийских археологов и этнографов⁶). Результаты этих работ необхо-

⁴ См., например: H a e k e l J., *Ethnologische und prähistorische Probleme Australiens*, «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», Wien, 1954, № 1.

⁵ Народы Австралии и Океании, стр. 118.

⁶ В последнее время появился ряд новых публикаций и исследований, например: D a v i d s o n D. S. and M c C a r t h y F. D., *The distribution and chronology of some important types of stone implements in Western Australia*, «Anthropos», Posieux, 1957, vol. 52, fasc. 3—4, p. 390—458. A l l c h i n B., *Australian stone industries, past and present*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1957, vol. 87, pt 1, p. 115—136.

димо учитывать для правильного решения стоящих перед австраловедением проблем.

Для развитого неолита характерны земледелие и гончарство. У австралийцев и то и другое отсутствует, что, впрочем, обычно и для раннего неолита. Поэтому по уровню развития производительных сил, как и хозяйства в целом, австралийцы стадияльно сопоставимы с другими народами, которые находятся (или находились в прошлом) на уровне мезолита или раннего неолита. Различия, часто глубокие, между теми и другими зависят от исторических судеб и географических условий, которые определяют собою индивидуальный облик каждой культуры. Это не исключает того, что и там и здесь — один и тот же способ производства, а вместе с ним и те же основные элементы культуры, обусловленные этим способом производства. Таким образом, вопрос о месте австралийской культуры среди других культур человечества (этнографических и археологических) должен решаться не путем сравнения каких-либо отдельных признаков, а на основе сопоставления целых культурных комплексов и прежде всего основных орудий производства.

Попутно возникает вопрос о начатках земледелия у австралийцев, о возможности самостоятельного перехода их к земледелию. Сделали ли австралийцы шаг к земледелию, действительно ли они стоят «накануне земледелия», по выражению А. Н. Максимова⁷, и сделан ли этот шаг ими самостоятельно или здесь можно предполагать влияние земледельческих народов — меланезийцев, папуасов, малайцев? Для перехода к земледелию австралийцам не хватало только умения обрабатывать землю и сажать растения. Лишь в некоторых районах известно, и сообщения такого рода немногочисленны, что австралийцы практикуют «собираание урожая», которое Юлиус Липс рассматривал в качестве предпосылки перехода к земледелию⁸.

У австралийцев мы как бы находим рядом признаки, обычно связываемые с палеолитом, мезолитом или неолитом. Поэтому отдельные исследователи сопоставляли австралийское общество то с обществом мустьерской⁹, то с обществом неолитической эпохи. Однако наличие разнообразных технических приемов обработки камня (практикуемых австралийцами иногда даже в пределах одного и того же племени) объясняется иными причинами — наличием пригодного для того или иного приема материала, традициями и унаследованными навыками, постепенным проникновением новых приемов и т. д.

На материале хозяйства австралийцев ставится проблема ранних форм хозяйства. В связи с этим может быть поставлена более частная проблема соотношения деревянных, костяных и каменных орудий в хозяйственном инвентаре австралийцев. Деревянные орудия и оружие играют здесь существенную роль. С другой стороны, невозможно себе представить хозяйство австралийского типа без каменных и костяных орудий, так как изготовление деревянных орудий возможно только при помощи таких твердых материалов, как камень, кость и раковины. От ранних археологических культур деревянные орудия дошли до нас как редкие исключения (дерево плохо сохраняется), но принимая хозяйство австралийцев за тип, можно предполагать, что разнообразные деревянные орудия имелись и в этих культурах в большом количестве, хотя все же именно каменные орудия играют веду-

⁷ Максимов А. Н., Накануне земледелия, «Ученые записки [Института истории РАН ИОИОН], М., 1929, т. 3, стр. 21—34.

⁸ Липс Ю., Происхождение вещей. Из истории культуры человечества, пер. с нем., М., 1954, стр. 103—104.

⁹ Sollas W. J., Ancient Hunters and their modern representatives, London, 1924, p. 244—246.

шую роль в хозяйстве такого типа. С другой стороны, никогда не существовало и «деревянного» века, постулируемого в качестве предшествующего «каменному» К. Штейненом, а затем В. Шмидтом (в его работе 1910г. о пигмеях) и другими представителями культурно-исторической школы в этнографии. В хозяйстве, подобном австралийскому, дерево и камень одинаково необходимы для удовлетворения основных хозяйственных и технических потребностей. При помощи каменных и костяных орудий изготавливаются другие каменные орудия, деревянные орудия (бумеранги, копья, копьейметалки, щиты, палицы, орудия для добывания огня) и разнообразные изделия из дерева и коры (сосуды для хранения жидкости, лодки и плоты, жилища). С помощью каменных орудий австралиец взбирается на деревья за опоссумом или диким медом, размалывает зерна злаков, раздвигает тушу убитого животного и совершает множество других жизненно необходимых операций. Что же касается пигмеев, о которых писали представители культурно-исторической школы, то они для изготовления своих деревянных луков и стрел порою использовали даже заимствованные у соседей железные орудия. Вообще общество пигмеев, окруженных со всех сторон представителями более высоких культур, не может рассматриваться в качестве аналога первобытного общества. С этой точки зрения австралийцы в силу своей относительной изоляции на протяжении многих тысячелетий представляют для историка первобытности несравнимо больший интерес. На земном шаре существуют (или существовали до недавнего времени) племена и народы (пигмеев, тасманийцев, кубу Суматры и другие), культура которых на первый взгляд выглядит примитивнее австралийской, однако мы не всегда знаем, что из своего культурного наследия растеряли эти народы, будучи отеснены своими соседями в неблагоприятные для жизни районы, и что они заимствовали от них. Значительная культурная отсталость кубу или тасманийцев может быть следствием их изоляции и малочисленности. То же мы видим и в Австралии, где наиболее изолированные и малочисленные племена, отесненные в наименее благоприятные для жизни области, например пиньендадьера или биндибу в центральной Австралии, оказываются племенами с наиболее примитивной материальной культурой (у них, например, до сих пор употребляются «эолиты» — необработанные камни с естественным острым краем)¹⁰. В целом же несомненно, что именно австралийцы сохранили в наибольшей неприкосновенности общий облик и основные элементы первобытной культуры.

Другая частная проблема, связанная с изготовлением орудий труда, — проблема традиции, сохранения традиционной техники при использовании нового материала (железа, стекла, фарфора и т. д.). Дело в том, что появление в быту аборигенов новых материалов, заимствованных у европейцев, не повело к существенным изменениям в технике изготовления орудий, а следовательно, и во всей производственной деятельности. Ни копье с железным или стеклянным наконечником, ни палица, снабженная металлическим топором, почти ничего не изменили в технике охоты и в способе употребления охотничьего оружия¹¹. В музеях часто можно видеть стеклянные или фарфоровые наконечники для копий, изготовленные в той же традиционной технике, в которой делались и каменные. Известны и металлические копии традиционных каменных топоров и наконечников. Такую

¹⁰ Mountford Ch. P., *Earth's most primitive people. A Journey with the aborigines of Central Australia*, «National geographic magazine», Washington, 1946, vol. 89, № 1, p. 89—104; Mountford Ch. P., *Brown men and red sand. Journeyings in wild Australia*, Melbourne, 1953; Thomson D. F., *Australia's dying aborigines*, «Times», London, 1958, № 54159, May 24, p. 7. Имеется русский перевод книги Чарльза Маунтфорда: Коричневые люди и красная земля, М., 1958.

¹¹ Petri H., *Sterbende Welt in Nordwest-Australien*, Braunschweig, 1954, S. 17.

же стойкость технологических традиций наблюдал у папуасов Н. Н. Миклухо-Маклай.

Форма каменного трехгранного ножа, эмпирически найденная аборигенами Австралии, соответствует форме европейского кинжала. Каменный топор и каменное тесло австралийцев «повторены» в металлических топорах и тесле европейцев, а деревянные меч и щит Квинсленда «повторены» в оружии из металла более высоких культур. Очевидно, наиболее эффективные формы орудий ручного труда возникают конвергентно в различных культурах и повторяются на разных стадиях исторического развития в новых материалах.

Значительное количество австралийских орудий собрано не только у живущих ныне аборигенов, но и в местах давно покинутых стоянок. Австралийская археология располагает в настоящее время массовым материалом, который позволяет наметить на континенте ряд последовательно сменяющих друг друга археологических культур. Археологический материал используется для того, чтобы выяснить, когда и откуда началось заселение Австралии и проследить его этапы. Со времени работы Фюрер-Хаймендорфа¹² появилось много новых публикаций и исследований. Однако до сих пор еще не была в достаточной мере исследована динамика развития орудий аборигенов Австралии, т. е. сходство и различие в орудиях труда, обнаруженных при раскопках, с одной стороны, и бытующих у современных аборигенов, — с другой¹³. В ценном источнике информации — монографии трех авторов «Каменные орудия Австралии»¹⁴ основанная на технологии типологическая классификация орудий не делает различий между каменными орудиями современных аборигенов (т. е. орудиями, функции которых известны) и так называемыми «предысторическими» орудиями, которыми пользовались ныне исчезнувшие племена или поколения аборигенов (и функции которых нам неизвестны). Так, например, мы можем только догадываться о функциях большинства микролитов (из них могли монтироваться ножи-пилы для разрезания мяса или наконечники копий — то и другое иногда встречается у современных аборигенов). В некоторых случаях мы обнаруживаем в быту аборигенов типы орудий, аналогичные найденным археологами; к их числу относятся, например, односторонне оббитые орудия типа «суматра», сохранившиеся в настоящее время только в Квинсленде, где они употребляются в качестве женских орудий для выкапывания съедобных корней. Современные туземные названия, присвоенные археологами некоторым ископаемым типам орудий, говорят о том, что аналогичные орудия под теми же названиями все еще употребляются аборигенами¹⁵.

Во время охоты, рыболовства и собирательства мы видим производительные силы австралийцев в действии. Все эти виды деятельности образуют процесс производства потому, что они требуют применения орудий. Даже собирательство — основное занятие женщины и главный источник средств существования аборигенов — как правило, не совершается без употребления орудий: женщины редко расстаются с палкой, которой они выкапывают съедобные корни; личинки из-под коры дерева добываются специальной заостренной палочкой с крючком; на вертикально стоящее дерево взбира-

¹² F ü r e r - H a i m e n d o r f C. v o n, Zur Urgeschichte Australiens, «Anthropos», Wien, 1936, Bd 31, Hf. 1—2, S. 1—36; Hf. 3—4, S. 433—455.

¹³ Опытом такого исследования является Mitchell S. R., Stone-age craftsmen. Stone tools and camping places of the Australian aborigines, Melbourne, 1949.

¹⁴ McCarthy F. D., Bramell E. and Noone H. V. V., The Stone implements of Australia, «Mémorial of Australian Museum», Sydney, 1946, vol. 9, p. 44—57.

¹⁵ T i n d a l e N. B., The Antiquity of Man in Australia, «Australian Journal of science», Sydney, 1941, vol. 3, № 6, p. 144—147.

ются с помощью топора и жгута; растительная пища готовится с помощью зернотерки, деревянного корыта и т. д. Итак, от изготовления орудий труда мы переходим к их употреблению, теперь нас интересуют производственные навыки и совокупность приемов использования орудий у австралийцев.

Нетрудно видеть, что формы производственной деятельности здесь обусловлены различными видами орудий. Примитивность орудий для изготовления других примитивных орудий (например, костяного отжима и каменного отбойника для изготовления каменного наконечника; шлифовального камня для затачивания каменного топора; каменного тесла для изготовления деревянной копьёметалки и т. д.) — причина того, что орудия производятся индивидуально, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические факты. Немногие исключения (например, в Квинсленде над изготовлением щита работают два мастера) только подтверждают правило.

Иногда изготовлением орудий занимаются квалифицированные мастера-специалисты, так как их изготовление требует большого умения и длительного опыта¹⁶. Охота с такими орудиями требует больших индивидуальных усилий, ловкости, физической выносливости, опытности, словом, предъявляет к мужчине-охотнику большие требования. Во время охоты мужчина довольно часто объединяется с другими мужчинами своей локальной группы или соседних групп, однако успех охоты зависит прежде всего от личных качеств каждого отдельного охотника. Чтобы убить кенгуру или эму, он должен к ним незаметно приблизиться и поразить метким броском копья или ударом палицы; небольшую птицу можно сбить только удачным броском легкого бумеранга, рыба ловится с помощью копья-остроги. Иногда на рыбной ловле или охоте употребляются сети, обращение с которыми, естественно, требует коллективных усилий. Только один вид охоты — облавная или законная охота на кенгуру или эму — требует объединения всех членов локальной группы, в том числе женщин и детей. В легенде племени унгаринбин возникновение этого способа охоты на кенгуру связывается с изобретением копья, которое сменило палицу и тем радикально изменило весь характер охоты. Возможно, эта легенда действительно отражает событие, имевшее место в прошлом¹⁷. Характер орудий оказывает влияние на организацию труда, а через нее и на структуру локальной группы. Группа мужчин-охотников, где успех зависит от личных качеств каждого охотника и где, вместе с тем, особенно необходим опыт старых охотников — это прообраз структуры локальной группы, где люди одного возраста равноправны, но очень влиятельны старики, а также выдающиеся охотники¹⁸. Ограниченность естественных ресурсов наряду с примитивностью орудий лимитируют размеры локальных групп и вынуждают их бродить в пределах своих охотничьих территорий.

Труд — целесообразная деятельность, посредством которой совершается взаимодействие между человеком и природой. Следовательно, с одной стороны, производительные силы, в том числе орудия производства, с другой — природа обуславливают форму труда. И чем примитивнее экономика, тем нагляднее, обнаженнее выступают взаимоотношения основных факторов труда, взаимоотношения человека и природной среды через труд, через орудия труда. А экономика аборигенов Австралии — один из типов первобытной экономики.

¹⁶ S h a r p L., Ritual life and economics of the Yir-yront of Cape York Peninsula, «Oceania», Sydney, 1934, vol. 5, № 1, p. 37; T h o m s o n D. F., Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land, Melbourne, 1949, p. 56 и далее.

¹⁷ P e t r i H., Sterbende Welt in Nordwest-Australien, S. 18.

¹⁸ Ibid., S. 24.

Характер их орудий труда в сочетании с данными географическими условиями обуславливает местные формы хозяйственной деятельности (рыбная ловля и собирательство моллюсков на побережьях, охота небольшими группами в тропических зарослях севера и северо-запада, сбор и хранение урожая некоторых растений там, где они произрастают, разработка камня для массовой выделки орудий в некоторых географических пунктах и т. д.). Природные условия отчасти объясняют, почему некоторые орудия выделяются только некоторыми племенами: лишь на территории этих племен имеются необходимые для их выделки породы дерева или камня. Тем самым географическая среда оказывает влияние на развитие местных форм орудий, на региональные различия в орудиях труда у австралийцев. С географической средой связаны хозяйственные циклы разных общин: например, на севере и северо-западе Австралии аборигены бродят в поисках пищи с конца марта до начала декабря, между сезонами дождей, а в дождливый сезон они переходят на оседлость и весь уклад их жизни совершенно меняется; групповая охота с использованием огня совершается здесь только в последние месяцы засушливого времени года, в сентябре — ноябре¹⁹, да и само передвижение аборигенов по кормовой области соотносится с общим хозяйственным циклом данной локальной группы.

Очевидно далее, что орудия труда следует рассматривать в общей связи с общественно-экономической жизнью австралийцев. Понятие производственных отношений австралийского общества покрывает ту же группу экономических категорий, что и в любом другом, более развитом обществе: формы собственности, формы распределения, формы разделения труда, внутри- и междуплеменной обмен.

Проблема личной (или индивидуальной) и общественной (или коллективной) собственности на средства производства у австралийцев включает в себя две проблемы: проблему орудий труда как объекта собственности в австралийском обществе и проблему собственности на охотничьи (или кормовые) территории. Первая проблема изучена далеко не достаточно; можно даже сказать, что она до сих пор оставалась вне поля зрения большинства этнографов. Из рассеянных в этнографической литературе указаний можно, однако, сделать вывод, что орудия труда являются личной собственностью, но не всегда собственностью того, кто их сделал. Личная собственность на орудия обусловлена индивидуальностью их изготовления²⁰. В некоторых племенах существуют мастера-специалисты по изготовлению орудий, неспособные заниматься охотой или рыбной ловлей из-за старости или нездоровья и вознаграждаемые за свой труд пищей и другими предметами²¹. Австралиец обычно не расстается со своими копьями, которые он очень оберегает, и со своей копьеметалкой. Охотничье оружие должно быть всегда наготове на случай появления дичи. В Квинсленде на щитах и веслах изображаются тотемические символы локальной группы, которые свидетельствуют о том, что эти предметы принадлежат члену данной тотемической группы. В собственности на орудия производства отражено первичное разделение труда между полами. Так, женщины имеют право владеть только грубыми женскими ножами, которыми можно пользоваться лишь при собирательстве и приготовлении пищи. Остальные каменные орудия труда находятся в собственности мужчин. Поэтому, например, деревянное корытце — собственность женщины и незаменимая универсальная принадлежность ее хозяйства — изготавливается мужчиной. Владение и пользование более раз-

¹⁹ Ibid., S. 20—21.

²⁰ Collins D., An account of the English Colony in New South Wales, 2nd. ed., London, 1804, p. 385.

²¹ См., например, указанную выше работу Л. Шарпа, а также: Spencer B., Wanderings in wild Australia, vol. 2, London, 1928, p. 496.

витыми и сложными орудиями способствуют более высокому общественному положению мужчины²². В личную собственность женщин входят их палки-копалки, палицы, сумки, костяные иглы и проколки, украшения²³. И только камни для размалывания растительной пищи и затачивания топоров принадлежат всей локальной группе или отдельным входящим в ее состав семьям²⁴. В литературе упоминаются отдельные случаи индивидуальной собственности на деревья.

Промысловые области составляют общественную собственность локальных групп или родов. Охотиться здесь может только тот род, которому эта область принадлежит, а соседние группы — только с разрешения или по приглашению коллективного собственника земли. Дональд Томсон пишет, что в Арихемленде земля, или промысловая территория, принадлежит роду, и человек имеет право охотиться только на земле своего рода²⁵. Х. Петри пишет о том же в отношении Кимберли. О собственности локальных тотемических групп на отдельные участки в пределах племенной территории в центральной Австралии сообщают Спенсер и Гиллен²⁶. Разграничение промысловых территорий коренится в ограниченности естественных ресурсов и примитивности орудий труда.

Собственность на землю у австралийцев — это собственность на те объекты на ней, которые обладают в глазах аборигенов потребительной ценностью: на охотничью дичь, рыбу в водоемах, полезные растения, на охру и камень для изготовления орудий. Но поскольку существует такая собственность, в умах австралийцев образуется и понятие о земельной собственности. Оно еще не оформилось, но оно уже складывается в сознании людей. Для того чтобы собственность на землю приобрела законченное выражение, т. е. для развития действительной экономической земельной собственности, нужно длительное историческое развитие. Этнография — историческая наука и она показывает, как возникают зародыши того, что оформится и выкристаллизуется лишь в дальнейшем. Этот процесс хорошо изображен Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

На основании некоторых сообщений утверждали, что у австралийцев имеется индивидуальная собственность на землю, что отдельным членам племени принадлежат участки земли, которые они называют собственными и передают своим мужским потомкам по наследству²⁷. При этом иногда указывали, что данный участок принадлежит его собственнику «по праву рождения». Здесь мы встречаемся со свойственным авторам прошлого столетия неточным употреблением понятия «собственность». В действительности речь, как правило, идет не о собственности на землю или даже на промысловую территорию, а о мистической связи индивидуума с местом его рождения, с тотемическими предками его группы, которые в свою очередь мифологически связаны с отдельными участками местности²⁸. Явление это теперь хорошо известно этнографам. Австралийцы часто не отделяют в своем сознании — и в этом состоит одна из особенностей их синкрети-

²² Warner W. L., A black civilization. A social study of an Australian tribe, New York — London, 1937, p. 6—7.

²³ Kaberry P. M., Aboriginal woman — sacred and profane, London, 1939, p. 162—165.

²⁴ Spencer B., Wanderings in wild Australia, vol. 2, p. 495.

²⁵ Thomson D. F., Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land, p. 11—12.

²⁶ Spencer B. and Gillen F. J., The Northern tribes of Central Australia, London—New York, 1904, p. 27.

²⁷ Smyth R. B., The aborigines of Victoria: with notes relating to the habits of the natives of other parts of Australia and Tasmania, vol. 1, London, 1878, p. 144—147; vol. 2, London, 1878, p. 312.

²⁸ См., например, Warner W. L., A black civilization, p. 389.

ческого мышления — то, что надлежит различать ученым и наблюдателям, т. е. категории экономические и неэкономические. Реальная собственность на промысловую территорию связывается в их представлении с отношениями между группой людей, которые обитают на этой территории, и их легендарными тотемическими предками, которые жили на ней в прошлом.

Разделение труда у австралийцев включает разделение труда межполовое и возрастное, т. е. внутрigrупповое, межгрупповое и межплеменное. Разделение труда между племенами, или географическое разделение труда, происходит из тесных связей хозяйства с определенными географическими районами. Все исследователи австралийской этнографии не раз наблюдали, что различные племена специализируются в изготовлении некоторых видов изделий, которые не производятся другими племенами, хотя последние довольно часто располагают необходимым для их производства сырьем. Производство известных изделий (бумерангов, палиц, ножей и т. д.) определенными племенами укоренилось настолько, что только эти племена занимаются их изготовлением, а потом путем обмена изделия такого рода распространяются на многие сотни километров. В данном случае мы имеем дело с двумя факторами: первоначальным фактором была реальная географическая обусловленность, действительное наличие необходимого сырья на территории одного племени и отсутствие его у другого (мы можем говорить, что это имело место в прошлом потому, что довольно часто наблюдается и в настоящем); в дальнейшем этот реальный фактор был закреплен традицией, и последняя сама сделалась мощным фактором, несмотря на перемещения племен. Как ни сильна привязанность аборигенов к своей территории, они все же перемещались по континенту в процессе его заселения; впоследствии пути миграций племен стали путями традиционного обмена. Возможно также, что традиционные межплеменные связи возникли не только в результате различия географических условий, но и вследствие более тесных связей в прошлом, выражением которых является церемониальный обмен.

Мы можем, таким образом, говорить об общественном межплеменном разделении труда, имея в виду «естественно выросшие различия» в исторических и географических условиях жизни различных австралийских племен и обусловленные этим «различия между сферами производства», о которых писал Маркс²⁹. «... Разделение труда в целом обществе — совершается ли оно при посредстве товарного обмена или независимо от него — свойственно самым различным общественно-экономическим формациям»³⁰, в том числе, значит, и первобытнообщинному строю, когда различные общины начинают заниматься разнородными видами производственной деятельности, как это мы видим в Австралии.

Австралийские изделия производятся для потребления внутри племени и лишь при известных условиях становятся достоянием других племен, попадая туда посредством обмена. Но известны также случаи производства специально для обмена (например, массовое производство каменных наконечников в месте добычи камня, с целью их дальнейшего ритуального обмена, отмеченное в книге Д. Томсона «Экономическая структура и церемониальный обменный цикл в Арnhemленде»).

Итак, можно утверждать — и австралийский этнографический материал показывает это, — что уже при первобытнообщинном строе возникает общественное разделение труда, появляется обмен, а вместе с тем возникает и простая форма стоимости. Если мы не увидим начала этого процесса у австралийцев, то наличие в Меланезии; т. е. на следующем этапе развития

²⁹ Маркс К., Капитал, т. I, М., 1955, стр. 359.

³⁰ Там же, стр. 366—367.

первобытнообщинного строя, ранней формы товарного производства и рыночной торговли будет для нас весьма неожиданным. Было бы методологически неправильным изучать материальную культуру австралийских аборигенов в отрыве от других сторон их культуры. Существуют такие аспекты культуры, которые одновременно связаны и с экономикой, и с общественным строем, и с идеологией. Таков обмен у австралийцев. Его можно рассматривать и в чисто экономическом плане, и в связи с религиозным ритуалом, с обрядовой жизнью. Последнее оправдано всем этнографическим материалом. Пути обмена — это не только пути распространения предметов материальной культуры или необходимого для их изготовления сырья, это — также пути распространения обрядов, мифов, верований, обычаев и т. д. Без изучения путей обмена, пересекающих во всех направлениях австралийский материк, невозможно и правильное понимание этногенеза австралийцев, так как пути обмена, во всяком случае некоторые из них, были когда-то путями древних миграций. Очень велика роль обмена в распространении по материку различных индустриальных форм, технологических навыков, художественных стилей. Именно обмен распространил по всему матерiku железный европейский топор³¹. Неоднократно сообщалось о традиционных пунктах регулярного обмена между соседними племенами или группами одного племени³². Такие пункты — это место встреч, способствующих сближению и духовному общению племен и групп. В то же время, как правильно отметил М. О. Косвен, «взаимное общение и визиты австралийцев имеют глубокое экономическое содержание»³³. Наряду со специализацией племен имеет место специализация локальных групп, обмен деятельностью между ними и их взаимные экономические и ритуальные связи. Внутриплеменной обмен нередко тоже имеет церемониальный характер. Ритуальный или церемониальный обмен — это целая экономическая система, основанная на обычаях. Об этом свидетельствуют наблюдения современных австралийских этнографов. Как пишут Рональд и Кэтрин Берндт в книге «Первые австралийцы», «часто ритуал и экономика связаны так тесно, что одно не может функционировать без другого. В церемониях обмена в западном Архемеленде различные племена собираются вместе не только, чтобы танцевать и петь, но и чтобы получить вещи, в которых они нуждаются. Ценность этих вещей увеличивается благодаря ритуалу... Не только вещи обмениваются, но также идеи; и люди используют эти встречи для того, чтобы завести новых друзей»³⁴. В книге описан целый ряд церемоний, связанных с обменом, некоторые из них, по существу, мало чем отличаются от магических или тотемических. Д. Томсон в названной выше книге рисует широкую картину ритуального обмена подарками, который развивается в экономическую систему, основанную на обычаях и ритуале. Церемониальный, сопровождаемый особыми песнями и танцами обмен орудиями труда играет очень важную роль в жизни аборигенов³⁵.

Низкий уровень развития производительных сил обусловил разобщенность локальных групп, слабые связи между ними и различия в обычаях, обрядах и духовной культуре. Такую крайнюю разобщенность, царящую внутри каждого большого центрально-австралийского племени, констатирует Томас Стрелов³⁶. Но есть и другая тенденция, которая как бы стремится:

³¹ Spencer B. and Gillen F. J., *The Arunta: a Study of a stone age people*, vol. 2, London, 1927, p. 521.

³² Например: Strehlow C., *Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien*, Tl 5, Frankfurt a/M., 1920, S. 13.

³³ Косвен М., Происхождение обмена и меры ценности, М.—Л., 1927, стр. 11.

³⁴ Berndt R. M. and Berndt C. H., *The first Australians*, Sydney, 1952, p. 46—47.

³⁵ Harney W. E., *Life among the aborigines*, London, 1957, p. 133—136.

³⁶ Strehlow T. G. H., *Aranda Traditions*, Melbourne, 1947, p. 1.

устранить эти различия и нивелировать культурные особенности локальных групп. Эта тенденция находит свое выражение в общественном разделении труда, в межплеменном обмене продуктами своей творческой деятельности как в области материальной, так и духовной культуры.

Проблемы межплеменного обмена, этногенеза и лингвистической классификации тесно связаны между собой и не могут быть решены друг без друга. Некоторое количество фактов, которые могли бы помочь решению этого сложного комплекса проблем, можно найти при исследовании локальных различий в орудиях труда и других элементах материальной культуры³⁷. Это исследование осложнено тем, что обмен, охвативший сеть своих путей весь континент Австралии³⁸, стирает различия в орудиях между племенами и большими лингвистическими группами, которые в Австралии часто совпадают с этническими, поэтому обнаружение на какой-либо территории определенных орудий не всегда указывает на их принадлежность данному племени. В то же время этнические различия в материальной культуре несомненно существуют, они сказываются не только в типах каменных и деревянных орудий, но и во многом другом, например, в особенностях орнаментации бумерангов и щитов, чуринг и других ритуальных предметов: стили орнамента, наряду с формами орудий — характерный этнический признак. Местные вариации в материальной культуре австралийцев во многих случаях прослеживаются довольно ясно³⁹. Некоторые формы орудий и других изделий никогда не встречаются за пределами ограниченной зоны их изготовления, хотя есть и такие изделия, которые можно встретить за сотни километров от мест их изготовления⁴⁰. Во всяком случае при изучении австралийских орудий труда необходимо сочетать региональный принцип с изучением миграций орудий и других элементов материальной и духовной культуры и общественных институтов.

В австралийском обществе все находится в органическом единстве — производительные силы, экономика, общественный строй и общественное сознание. Экономическая жизнь находит отражение как в общественной организации, так и в религиозных обрядах и культах. Отражение производственной деятельности в формах общественной организации выражается в размерах и структуре семьи и локальной группы, а также в отношениях внутри них, как об этом упоминалось выше. Вся жизнь семьи как хозяйственной единицы, рода и локальной группы, как совокупностей таких единиц вращается вокруг хозяйственных функций и ими определяется⁴¹. Общественные институты в Австралии, с одной стороны, наследуются по традиции, т. е. передаются во времени (от поколения к поколению), с другой стороны — в пространстве (по лицу земли, с севера на юг, от племени к племени). Но и в том и в другом случаях экономическую обусловленность общественных институтов можно разглядеть⁴².

³⁷ Ф о р м о з о в А. А., Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком?, «Советская археология», М., 1957, № 4, стр. 66—74.

³⁸ M c S a r t h y F. D., «Trade» in aboriginal Australia, and «Trade» relationships with Torres Strait, New Guinea and Malaya, «Oceanica», Sydney, 1939, vol. 9, № 4, p. 405—438; vol. 10, № 1, p. 80—104; № 2, p. 171—195.

³⁹ См., например: H a m b l y W. D., The Preservation of local types of weapons and other objects in Western Australia, «American anthropologist», Menasha, 1931, vol. 33, № 1, p. 1—15.

⁴⁰ S p e n c e r B. and G i l l e n F. J., The Northern tribes of Central Australia, p. 633—634.

⁴¹ Об экономическом значении локальной группы у муригин, см.: Warner W. L., A black civilization, Ch. 5.

⁴² См., например: Б у т и н о в Н. А., Проблема экзогамии (по австралийским материалам), в кн.: Родовое общество. Этнографические материалы и исследования, М., 1951, стр. 3—27.

Хозяйство, общественную жизнь и религию австралийцев лучше всего рассматривать в комплексе, потому что в жизни такого народа как австралийцы, эти три сферы взаимно пронизывают друг друга, взаимодействуют друг с другом и нередко бывают трудно отделимы одна от другой. Например, религию трудно отделить от таких форм общественной жизни, как инициации; тотемизм можно изучать и как систему верований и как общественное явление; во всяком случае его неправильно выносить за рамки общественной жизни⁴³. Многие обычаи, как, например, обычай взаимопосещения локальных групп и племен, связанный с ритуальным обменом, тотемические и магические церемонии, имеющие целью воздействие на природу, возникают в результате бедности материальных ресурсов и, в свою очередь, стимулируют расцвет духовной жизни, что позволяет отчасти понять разрыв между бедной материальной культурой и сложностью общественных отношений.

Отражение производственной деятельности в формах общественного сознания выражается, во-первых, в специфической связи культа с условиями труда (охотничья магия, магические церемонии умножения сил природы — интичиума, церемонии вызывания дождя)⁴⁴. Один из этнографов был свидетелем, как после неудачной охоты на гусей с помощью обыкновенных палок, которые бросают в стаю, аборигены вынуждены были просить помощи у полулегендарного существа, которое жило когда-то в месте охоты, с которым эта местность была связана и могила которого здесь находилась. По их верованиям, его дух здесь охотится до сих пор⁴⁵. Во-вторых, это отражение мы находим в связи объектов культа с орудиями труда. Некоторые орудия становятся предметами культа, их используют в магии или в религиозных обрядах (я называю это функциональным сдвигом). Культ орудий, своего рода превращение полезного в священное широко наблюдается у австралийцев. Здесь можно изучать соотношение основной и дополнительной функций орудий (например, использование в трудовой деятельности и в обрядах каменных топоров, бумерангов, копий, копьеметалок, щитов). Так, каменный топор в мифологии аборигенов северной Австралии связывается с молнией, громом и небесными существами⁴⁶. И наоборот, нередко наблюдается использование орудий непроезженного, магического или ритуального назначения в производственной деятельности. Когда австралиец-охотник берет на охоту, наряду с копьем и бумерангом, деревянную гуделку — «наматвинну» и пользуется ею как магическим средством обеспечения успешной охоты, он рассматривает ее как орудие, помогающее ему в его труде. Таких примеров можно привести немало. Все эти факты — результат того, что на ранних ступенях общественного развития религиозные верования и обряды слиты воедино с процессом воспроизводства человеческого существования. Отсюда необходимость изучения религии

⁴³ Hellbusch S., Die Einfluss der Jagd auf die Lebensformen der Australier, Berlin, 1941. В книге автор показывает, как охотничье-собирательское хозяйство австралийцев обуславливает собою всю их общественную, прежде всего тотемическую систему. О взаимосвязи хозяйства, религиозных, в частности, тотемических представлений и ритуала, см.: Somló F., Der Güterverkehr in der Urgesellschaft, Bruxelles — Leipzig, 1909, S. 45—67.

⁴⁴ Malinowski B., The Economic aspect of the Intichiuma ceremonies. — In: Festkrift tillegnad Edvard Westermarck, Helsingfors, 1912, p. 81—108. Обилие жизненных ресурсов зависит, по мнению аборигенов, от мифических героев, живших в легендарные времена. Чтобы обеспечить постоянное изобилие животной и растительной пищи и продолжение самого человеческого рода, аборигены прибегают к магическим церемониям.

⁴⁵ Goodale J., «Alonga Bush»: a Tiwi hunt, «University of Pennsylvania Museum Bulletin», Philadelphia, 1957, vol. 21, № 3, p. 24—28.

⁴⁶ Mountford Ch. P., The Lightning man in Australian Mythology, «Man», London, 1955, vol. 55, Sept., p. 129—130.

австралийцев в неразрывной связи с их хозяйственной и общественной жизнью. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей»⁴⁷. В работе «Основные вопросы марксизма» Г. В. Плеханов подчеркивал, что одной из важнейших черт материализма является признание им единства бытия и мышления. Изучение австралийского общества лишней раз раскрывает перед нами яркую картину общественного бытия и общественного сознания в их неразрывном единстве. Показать динамику, процесс вплетения (по выражению Маркса) религии в материальную жизнь австралийского общества — эта задача еще остается не разрешенной.

Орудие труда австралийцев можно изучать и как предмет искусства. Многие каменные изделия, такие, например, как наконечники из Кимберли, сделаны не только с техническим, но и с подлинно художественным совершенством. Орудия орнаментируются и украшаются, причем иногда орнаменты имеют условный, символический характер. В противоположность, однако, прикладному искусству монументальное искусство австралийцев (петроглифы) имеет большей частью примитивно-реалистический, предметный характер и напоминает искусство европейского верхнего палеолита.

Как показывают результаты радиоуглеродного анализа, человек появился на континенте Австралии уже 10—13 тысяч лет тому назад. Он прибыл, по-видимому, из Азии. Этим же временем датируют аналогичные южно-австралийским мезолитические культуры юго-восточной Азии и Индонезии⁴⁸. Опубликованные материалы свидетельствуют, что за эти тысячелетия на австралийском континенте сменились и переместились различные археологические культуры, пока весь огромный континент не был заселен человеком⁴⁹. Некоторые антропологи (в их числе и советские) предполагают, что в антропологическом отношении австралийцы унаследовали признаки древнейших представителей *Homo sapiens*. Вполне допустимо предположение, что, находясь в условиях относительной изоляции, австралийцы сохранили не только древний антропологический тип, но и целый ряд особенностей культуры, присущих древнейшему человечеству. Поэтому, изучая культуру аборигенов Австралии, мы приближаемся к пониманию культуры первобытного общества. Развитие, продолжавшееся тысячи лет в условиях относительной изоляции, привело к специализации и усложнению старых культурных явлений и появлению многих новых, возникших, в частности, в результате неизбежных влияний со стороны⁵⁰. Но под всеми этими более новыми культурными приобретениями лежат первобытные пласты, которые исследователь имеет возможность вскрыть. Вот поэтому-то изучение культуры австралийских аборигенов помогает нам в решении трудных и увлекательных проблем становления человеческого общества и его культуры.

⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 24.

⁴⁸ Mc Carthy F. D., *Comparison of the Prehistory of Australia with that of Indo-China, Malay Peninsula, and the Netherlands East Indies*. — In: *Proceeding of the Third Congress of Prehistorians of the Far East, Singapore, 1938 (1940)*, p. 30—50.

⁴⁹ Проблемы соотношений австралийских археологических культур с культурами Европы, Азии и Африки рассматриваются в статье: Mc Carthy F. D., *The prehistoric cultures of Australia, «Oceania»*, Sydney, 1949, vol. 19, № 4, p. 305—319.

⁵⁰ См., например: Mc Carthy F. D., *Aboriginal Australian Material Culture: Causative factors in the composition*, «Mankind», Sydney, 1940, vol. 2, № 8, p. 241—269; № 9, p. 294—320; е г о ж е, *The Oceanic and Indonesia affiliations of Australian Aboriginal Culture*, «Journal of the Polynesian Society», Wellington, 1953, vol. 62, № 3, p. 243—261.

SOME PROBLEMS CONCERNING THE CULTURE OF AUSTRALIAN ABORIGINES

By V. R. Kabo

(Résumé)

In reconstructing the early stages of human culture preference should be given to the complex method in which ethnography and archeology supplement one another. Comparing early and contemporary primitive societies and finding that their material cultures have much in common, we have every ground for considering that we are here dealing with societies with a similar level of material production. It is, of course, also necessary to take into consideration that many millenniums of historical development separate contemporary culturally backward peoples from early peoples, in the course of which great changes occurred in the culture of the former, particularly in the sphere of social relations and ideology. These changes were a result of complication and specialisation, historical influence and cultural interaction.

A study of the Australian aborigines is very important in solving the major problems concerning the origin and early development of human society and culture—especially in view of the fact that among the many peoples who are or were, until recently, still in the primitive-communal stage of development (e. g. the Pygmies), the Australian aborigines occupy a special place: over a period of thousands of years their development has proceeded under conditions of relative isolation. It may be assumed that both anthropologically and ethnographically they have retained traits characteristic of the earliest representatives of *Homo sapiens*.

In the course of these thousands of years many aspects of their culture became complicated and specialised, while new cultural phenomena were added as a result of inevitable extraneous influences.

However, beneath these later cultural layers there lie strata of primitive culture which the researcher is able to reach and investigate.

Despite the relatively thorough study that has been made of the aborigines in Australia, there are still many gaps in our knowledge. Perhaps the greatest of them is the absence of an integral, comprehensive conception of local differences in the economy and material culture of the Australian tribes. What is primarily needed is a careful study of the tools and instruments which the aborigines use to win their sustenance, since these constitute the material and technical basis of primitive economy. Tools determine the organisation of labour and through the latter exert an influence on the social structure.

Things and objects are not only complexes of material qualities; they also reflect definite social relationships under which people use these things and objects. A study of tools and instruments is likewise of great help in solving other important problems concerning the Australian aborigines.

In deciding what place should be assigned to Australian aborigines in the stage-by-stage development of human society and culture, we ensue from the premise that economic periods are distinguished from each other primarily by the tools and instruments used. The tools of the Australian tribes are predominantly Paleolithic and Mesolithic. The only neolithic tools in use in Australia are axes with a polished cutting edge. These are, moreover, far from widespread and it is possible that they have been borrowed. The aborigines have no knowledge of farming or pottery—these were also unknown in the early Neolithic period.

A study of the correlations between the Australians' wooden, bone and stone tools will show that all three types were necessary for the proper function-

ing of their economy. If we regard the economy of the Australian aborigines as typical, we may say that the «wooden age», postulated by representatives of the cultural-historical school in ethnology, never existed at all.

Although Australian archeology has made marked advance in the past few years, much still remains to be done in the matter of a comparative study of early and contemporary tools in order to elucidate the consecutive stages of their development.

Tools are used by the aborigines in all aspects of productive activity, including gathering. They are fashioned individually, sometimes by skilled craftsmen. Hunting with the help of tools so primitive calls for great skill on the part of the hunter. Each group of male hunters constitutes a prototype of a local group with its entire complex of relations between members. The nature of the tools used, in conjunction with natural factors, determines the specific traits in the economy of each local group.

Tools are personal property but are not always the property of the person who made them. Ownership of tools reflects the initial division of labour between the sexes. Hunting grounds are the common property of local groups or clans. Ownership of these grounds means ownership of those objects located on them which possess a use value for the aborigines. The demarcation of hunting grounds has its roots in the scarcity of natural resources and the primitive nature of the tools used. What last century investigators called «personal ownership of land» actually has nothing in common with the economic category of private property, being a reflection of the totemic relation of the individual to the place of his birth and the mythical ancestors of his group.

Inter-tribal division of labour ensues from the connection between the economy and geographical area and is based on historical traditions. Ceremonial exchange is an expression of these traditional ties. Production for exchange is also known in certain parts of Australia. Ways and forms of exchange in Australia are major means of disseminating material and spiritual values; they represent an economic system cemented by custom and ritual. The low level of productive forces has kept local groups and tribes from merging to form larger communities. At the same time communal division of labour and inter-tribal exchange of both material and spiritual culture are factors working toward merging.

Economy, social structure and social consciousness in Australian society are all linked in one organic whole and should be studied as such. A local group is an aggregate of families constituting economic units. Religious beliefs are inseparable from such forms of social life as totemism and initiation. The reflection of productive activity in social consciousness is expressed in the connection between the cult and conditions of labour (e. g., magic ceremonies for multiplying the productive forces of nature, hunting magic), and also in the connection between the object of the cult and labour instruments (the cult of tools, the transformation of the useful into the holy). Religious beliefs and rituals in Australian society are integrally interwoven with the material and labour activity of the community. It is a clear instance of the integral, organic unity between social being and social consciousness.
